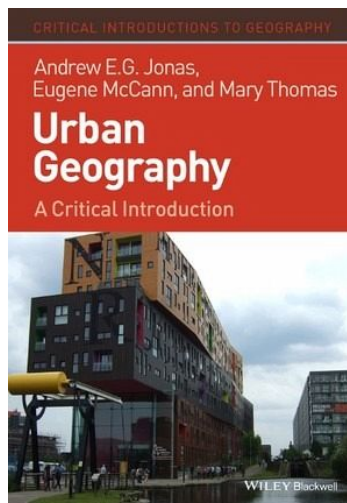

РЕЦЕНЗИИ

УДК 303.01

DOI: 10.17223/2312461X/10/5

Andrew E.G. Jonas, Eugene McCann, and Mary Thomas. *Urban Geography: A Critical Introduction*. Wiley-Blackwell, 2015. 378 p. (Critical Introductions to Geography) ISBN 978-1-4051-8980-4 (Е.Г. Трубина)

Урбанистика интересна многим рецептами успешного городского развития, и на первый план часто выходит ее прикладной аспект. Этот же аспект доминирует в том, как урбанистика у нас преподается. Вузское преподавание должно строиться на основе проверенного и доказанного знания, но ведь студентов нужно ещё и вдохновлять. Возможно, последним объясняется тот факт, что в кругах молодых и не очень молодых урбанистов в России устойчиво циркулируют несколько мифов: о Барселоне, которую проведение Олимпиады 1992 г. и иные меры, предпринятые местными властями, сделали моделью успешного городского развития, о Боготе, в которой прогрессивный мэр раз и навсегда решил транспортную проблему, о городе Мышкине Ярославской области, музейщики которого, вдохновленные консультациями москвичей, так раскрутили тему мыши, что туристский поток не иссякает. В то же время у нас мало изданий, в которых бы подробно и с учетом тенденций последних лет разбиралось, как в действительности обстоит дело в упомянутых городах и с помощью каких аналитических инструментов можно понять, почему успехи того или иного города почти всегда оказываются «стратегически» преувеличены. В учебнике, который с энтузиазмом рекламируется в этой рецензии, Барселона

разобрана подробно, а ее модельный статус упомянут со знаком вопроса (р. 152–153). Авторы рассказывают куда более знакомую нам по отечественным городским процессам историю о том, как язык гражданского участия и демократизации был использован властями каталонской столицы для оправдания неолиберальных схем переустройства города. Привлечение внешних инвестиций для переделки тех кварталов города, что были сочтены устаревшими, шло под аккомпанемент разговоров о городской демократизации. Чтобы построить новые набережные и новый иконический архитектурный комплекс, объединивший отели, порт и офисы, нужно было многое снести, и это пробудило конфликты, которые возглавили радикальные планировщики и архитекторы, анархисты и недавние мигранты. Реальная история современной Барселоны сопряжена с конфликтами, а ее успехи в качестве модели современного городского предпринимательства достаточно скромны. Однако политикам в этом городе, как и их коллегам в разных частях света, приглашенная история об успехах, в которой нет места конфликтам, – гораздо дороже. И она же, приглашенная история, разошлась по урбанистическому миру. Разбираемый автором рецензии учебник как раз выводит конфликты на первый план, подчеркивая их неизбежность в условиях остро неравномерного развития городов, но он хорош не только этим.

Современное географическое знание о городах также включает целый ряд сложных теорий: «не-репрезентативную» и теорию антропоцена, акторно-сетевую и теорию мобильности, реляционную и теорию глобализации. На своих конференциях географы с интересом слушают философов Джудит Батлер и Уильяма Конноли и обсуждают приложимость идей Мартина Хайдеггера для работников парков и Жилия Делёза для понимания тонкостей работы камер наружного наблюдения. Все это свидетельствует о том, что концептуальная сложность в самых разных ее вариантах представителями этой группы дисциплин приветствуется. Как они, однако, умудряются все это преподавать? Такой вопрос возникает весьма часто, и в предлагаемой читателю рецензии речь пойдет о том, как городская география «упаковывается» для студентов.

Коллегам удастся это делать, не поступаясь сложностью. Они не только не теряют молодого читателя посередине главы, но и пробуждают в нем критический интерес к происходящему. Такой интерес далеко не всегда находит поддержку и одобрение в рядах отечественных урбанистов. К примеру, на недавней конференции «Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы», прошедшей в ноябре 2015 г. на географическом факультете Московского государственного университета участник панели по микроурбанистике не без раздражения заметил во время дискуссии об использовании властями получаемого нами эмпирического знания:

«Нельзя же все мыслить только в терминах борьбы». Причиной этого упрека было то, что на дискуссии критически обсуждались полученные учёными результаты и возможность их «продажи» властям. Критика интерпретации ряда полученных результатов, насколько понял автор данной рецензии, была интерпретирована некоторыми присутствующими как проявление чрезмерной, «левацкой» непримиримости. Подтекстом этой краткой дискуссии было, по-видимому, допущение, что сейчас дороже всего культивирование социального мира и забота о позитивных эмоциях граждан (и властей). Авторы учебника, о котором здесь идет речь, назвав одну (вторую) главу «Кому предназначены города?», а другую (тринадцатую) «Городской кризис», именно критический взгляд на города ставят в центр учебника, намереваясь использовать город «как линзу для формулирования критических понятий, позволяющих пролить свет на то, как можно изменить широкие (капиталистические, колониальные, расистские, мисогонистские, гетеронормативные) социальные процессы, отношения и структуры власти» (р. 306; здесь и далее номера страниц приведены по электронному варианту книги, купленному в Amazon; перевод мой. – *Е.Т.*).

Авторы предвзвешивают свой текст такими словами: «Мы написали этот учебник, чтобы передать студентам наследие критических городских исследований и подчеркнуть, что центральной для изучения городов является борьба за социальную справедливость. Мы также хотим побудить студентов к мысли о том, как они могли бы далее развить и критическую мысль, и активизм» (р. xiv). Иными словами, современные сложные теории не рассматриваются авторами отдельно от критической теории, а взятые вместе, они не рассматриваются лишь в качестве теорий. Подчеркнем, что безопасно удаленные от обращения к конкретному соотношению сил в городах варианты изложения городской географии тоже, конечно, встречаются. Привлекательность же данного учебника в том, что теории в нем используются для того, чтобы мыслить город как место «радикальных интервенций и альтернативных форм политического действия» (Там же). Более того, объясняя замысел книги, авторы подчеркивают свое желание дистанцироваться от тех учебных нарративов, которые явно либо неявно продвигают интересы и ценности городских элит. Книга, подчеркивают они, нацелена на то, чтобы «раскрыть переживания, жизнь, практики, борьбу и язык простых жителей и разных социальных групп... что требует не только критики преобладающего неолиберального взгляда на город, но и обнажения “обычной географии” города во всех ее формах» (Там же).

Демократичность взгляда авторов сочетается со скепсисом в отношении превращения урбанистики в площадку для преследования интересов экспертов, в частности, продажи ими своей экспертизы городским властям. Но, возможно, достаточно просто устраивать дебаты,

вовлекая горожан в разговоры о городе на доступном им языке? Нет, подчеркивают составители: участие в городской жизни и в качестве простых жителей будет более эффективным, если знать нужные критические понятия. В противном случае вы, объясняют они, будете неосознанно воспроизводить статус-кво, так как повседневное, «простое» понимание города консервативно и в него встроено желание стабильности и нежелание перемен. Лучше, настаивают они, «вооружиться» (их термин) такими понятиями и идеями, которые помогут организации дебатов, а главное, поддержат критический интерес к городу. Этот интерес совсем не обязательно должен реализоваться по месту жительства. Так, «сообщество» (понятие, которое активно обсуждается в России и активистами, и учеными) авторы учебника мыслят не как группу живущих по соседству людей, а как характеризующуюся общностью культуры, ценностей или интересов группу людей, общению которых способствуют коммуникационные технологии (р. 309). Принадлежать к сообществу критически мыслящих городских географов, это значит и принадлежать изучаемому миру городов, и сознавать неполноту понимания этого мира, и быть пристрастным, т.е. быть готовым занять определенную интеллектуальную и политическую позицию, не отождествляясь в то же время с какой-то одной политической ортодоксией, и ставить под вопрос общепринятые ходы мысли о городах и городских исследованиях, и участвовать в попытках изменить города (р. xvi).

В словаре, прилагаемом к учебнику, помимо экономических понятий (к примеру, различные варианты ренты) и хорошо знакомых терминов вроде «зонирование», «бренд», «мобильность», «масштаб», «джентрификация», «пост-колониализм», «креативный класс» и «неолиберализм», мы находим такие, как «жесткая экономия» (*austerity*), «спекуляция», «основанные на спекуляции стратегии развития», «рантье», «тюремно-промышленный комплекс», «экологический расизм», «карцерное общество». Кажется, что для всех самых тревожных сторон жизни современного города – бизнеса на безопасности, последствий реализации безответственных финансовых схем, жесткой сегрегации и разрыва в доходах – географами найдены новые понятия. Мы также находим целый ряд терминов, которые очень любят городские власти, ибо с их помощью удастся отвлечь внимание жителей от насущных проблем и строить дорогое новое на месте исторически значимого старого и т.д. («городское обновление» (*urban renewal*), Hope VI – американская федеральная программа обновления социального жилья (которая нередко только ускоряет превращение жилых домов в зоны смешанного использования)). В словарь включены такие вариации левевского «права на город», как «право присвоения» – стремление обычных горожан к большему контролю над тем, как используются публичные пространства, «право на еду» – определенное международ-

ными организациями и отстаиваемое активистами, борющимися с бедностью, «право на участие», фиксирующее роль горожан в определении городского пространства и исполняемое посредством демократических процедур.

Среди особенностей городской политики авторы рассматривают (глава четвертая «Мир городов») повседневную глобальность, далекую от победных рапортов об экономических победах глобальных городов Токио, Нью-Йорка и Лондона. Они, к примеру, используя понятие «мобильная политика», демонстрируют выстраивание продуктивных связей и обмен опытом городских администраций по работе с проблемными группами горожан. Если в России популярность теорий городской мобильности приводит к тому, что исследователи наблюдают за повседневными практиками пассажиров транспорта и велосипедистов (что тоже важно), авторы учебника сосредоточились в этой главе на мобильности городской политики. Она проявляется в «путешествиях» успешных практик из одного города в другой в ноутбуках и слайдах экспертов. То, как именно объединятся в том или ином городе местные и привлеченные ресурсы и популярные модели управления, идеи, почерпнутые в других местах, и местная политическая культура, в точности предсказать нельзя, хотя заметно, что неолиберальные рецепты («креативные кластеры», «устойчивое развитие» и т.д.) более популярны, нежели социально ориентированные. Возможно, именно этим объясняется то, что в качестве примера глобально циркулирующих моделей городского управления авторы рассматривают те, что, скорее, станут под вопрос преобладающие способы решения городских проблем.

Так, они рассматривают прогрессивные методы работы с «одной из самых маргинальных и стигматизированных групп городского населения» – наркоманами (р. 95–97). Хотя преобладающим является стремление властей «криминализовать» наркоманов, они рассказывают, как сложившийся в Швейцарии так называемый подход четырех опор, был использован в канадском Ванкувере. В Ванкувере в середине 1980-х были зафиксированы большое число смертей от передозировки наркотиков и высокий процент ВИЧ-инфицированных людей. Кроме создания политической коалиции, ратовавшей за изменения в политике по отношению к наркоманам, городское правительство направило своих работников в Европу изучать, в частности, швейцарский опыт четырех опор, включающий стандартные методы предотвращения, лечение, уголовное наказание и иной подход, исходящий из того, что надо пытаться сокращать вред, наносимый наркотиками. Программы, стремящиеся сократить вред, включают раздачу метадона, чистых игл и даже организацию особых мест, где наркоманы могут осуществить инъекцию стерильной иглой и побыть некоторое время под наблюдением специалистов. Это место было в Ванкувере организовано в 2003 г., а в 2011 г.

Верховный суд Канады его легализовал, в 2012 г. им воспользовались свыше девяти тысяч человек. Теперь *Insite* (так называется это необычное место) посещают люди из других мест, включая студентов-географов (в книге приведена их фотография). Такие примеры подтверждают решимость авторов уйти от представления о городской географии лишь как средоточии «позитивных» либо нейтральных знаний о жилой среде, зонировании, креативности и рассказать студентам о том, как в мире работают со стигматизированными горожанами.

Учебник прекрасно иллюстрирован: есть фото протестов рабочих в Гонконге и строителей в Дубае, знаменитого нью-йоркского парка The High Line и критических инсталляций Ай Вайвая, израильских солдат, допрашивающих палестинцев, и популярного в Бразилии ресторана, пустующих в результате кризиса домов в США и рекламы быстрых кредитов там же, протеста Красных рубаш в Бангкоке и тюрем в США, есть сведенные в таблицу сведения о том, сколько проезжают люди от дома до работы и сравнительная характеристика городского развития при фордизме и постфордизме, постер о кризисе доступного жилья в Бостоне и парк, разбитый на месте сталелитейного завода в немецком Дюисбург Норд.

Учебник состоит из четырнадцати глав. Первая («Подступаясь к городу») ведет речь о том, что значит быть географом и быть урбанистом – вопрос, постоянно обсуждаемый и на наших конференциях. В ней также говорится об основаниях дисциплины городской географии. Три главы посвящены экономическим основам городской жизни: третья («Производство, экономика и город»), пятая («Труд и город») и девятая («Формируя и продавая имидж города»). Политика обсуждается в седьмой («Управляя городом») и в двенадцатой главах («Альтернативные городские пространства и политики»). Городской повседневности и ее эстетическому измерению посвящены три главы. В главе шестой («Город и социальное воспроизводство») разбирается, как люди восстанавливаются после работы, какие возможности для сна, отдыха, ухода за собой и детьми, удовольствий город им предоставляет. В восьмой главе («Переживая города») речь идет о разнообразии городского опыта: глава открывается сообщением о том, что только один из двадцати индийцев имеет возможность справиться нужду в уединении туалета, а завершается пересказом документального фильма «Военная зона» (1998), в котором режиссер Мэгги Хадли-Уэст пытается завязать разговор с мужчинами, окликающими ее на улице, и посредством этого понять, почему во многих городах мужчинам гораздо комфортней. В главе одиннадцатой («Городское искусство и визуальная культура») на примере искусства Бэнкси обсуждаются визуальные символы городов и в городах и их создатели, связь между эстетикой и идеологией, строительство небоскребов для демонстрации глобальных амбиций

властей, «художественный способ производства» (понятие, введенное Шэрон Зукин) и в целом экономическое использование искусства, дизайна и архитектуры. В десятой главе «Природа и окружающая среда в городе» также подчеркивается культурное измерение городской природы, в частности, то, что несмотря на последствия урагана Катрина, Новый Орлеан остается связанным с регионом дельты Миссисипи множеством путей – каналами, железными дорогами, инженерными системами, канализацией, пищевыми привычками и даже джазом (р. 227). В пятой главе «Труд и город» географию городского труда авторы разбирают с помощью понятий *динамической зависимости* между практиками найма, рынком труда и социальной географией города, введенных географами Сьюзен Хансон и Джеральдиной Пратт в результате полевых исследований в деиндустриализующемся крупном городе Вустер (штат Массачусетс) (Hanson and Pratt, 1992) и *ненадежного труда*.

В первом случае географы проблематизировали связь между рынком труда в городе, маршрутами людей от дома до работы и изменяющимся соотношением гендерных ролей. Глубинные интервью с работниками и работодателями в промышленности и сфере услуг г. Вустер убедили исследователей в том, до какой степени связаны с местом проживания представления работников о предпочтительных рабочих местах, а работодателей – об идеальных работниках. Наниматели активно используют свои географические знания – иногда они размещают свои фирмы поблизости от проживания желательных для них работников, они также размещают рекламу в местных газетах и рассчитывают, что слухи о привлекательных позициях разойдутся среди живущих поблизости людей.

Классической пространственной моделью, сложившейся после Второй мировой войны в Штатах, было сосредоточение офисной работы в центре, а массового производства и торговли – в пригородах. Гендерное разделение труда выражалось в том, что мужчины в костюмах были готовы покрывать большие расстояния ради хорошо оплачиваемой работы в центре, а женщины, особенно замужние, оставались в пригородах, поближе к дому, и работодатели, зная, что тем деваться некуда, часто им недоплачивали (на этот счет другими географами было сформулировано понятие «пространственная ловушка», в которую, считали они, попадали обитательницы пригородов). Работодатели же, как показали географы, авторы понятия «динамическая зависимость» Сьюзен Хансон и Джеральдина Пратт, стремятся нанимать людей, живущих недалеко от работы, и в итоге обитатели одних и тех же районов интересны нанимателям разных секторов рынка труда. Перемещение немалого числа офисов корпораций в пригороды может быть объяснено наличием большого числа женщин-работниц. Районы города и пригорода дифференцируются на основе того, какие маршруты перемещений между домом и работой формируют люди и какие возможности соци-

альной и культурной жизни для них остаются реальными. Знание города и окружающей местности становится частью опыта и работников, и нанимателей. Они вместе вносят вклад в сегментирование рынка труда, создавая микроскопические местные рынки труда. Последнее доказывает, что далеко не всегда в предпочтениях людей проявляются лишь экономические соображения.

«Ненадежный труд» – термин, фиксирующий кризис стабильной долговременной занятости и новые варианты найма и регулирования труда, такие как работа на основе кратковременных контрактов, работа в условиях полной свободы работодателей увольнять людей либо пересматривать их контракты. Формируются рекрутинговые агентства, специализирующиеся на оперативном найме людей для работы в конкретном проекте. Резонным ответом со стороны работников и городских сообществ является желание сопротивляться попыткам работодателей ограничить их права, и в учебнике рассмотрены процессы оспаривания жителями последствий деиндустриализации в Чикаго и лондонские кампании в защиту малооплачиваемых работников и работающих в сфере неформальной экономики (*living wage campaign*).

Чем ненадежнее занятость, тем важнее доступ к немногим общественным благам, уцелевшим в неолиберальные времена. В двенадцатой главе «Альтернативные городские пространства и политики» авторы ведут речь об изменяющейся природе публичного пространства (р. 259 и далее). Если раньше границы между приватным и публичным были четко очерчены и можно было спокойно радоваться зеленой траве парков, то сейчас не только площади и количество парков сокращаются, но и общественные пространства приватизируются в ходе джентрификации, создания торговых учреждений в центре города, а также спортивных и туристских мест. В зданиях российских университетов в результате их бюрократизации немногие пространства для общения (коридоры, холлы, столовые) сокращаются в результате отведения их частей под те или иные, более значимые с точки зрения администрации, нужды (кабинет для еще одного руководителя, музей или что-то еще).

Авторы справедливо замечают, что вторжение бизнеса в функционирование общественных пространств ставит под вопрос саму публичность города и объясняют популярность борьбы горожан за право на город. В этой борьбе по нарастающей отражается озабоченность милитаризацией повседневной городской жизни (тенденция, рассмотренная в главе о городском кризисе): от военной подготовки полицейских до дискриминации религиозных и этнических меньшинств в рамках борьбы с терроризмом, исчезновение пространственного разделения полиции и военных, что приводит к тому, что военные действуют «дома». Приводятся глубокие идеи Стивена Грэмса о том, что военный образ

мышления нормализуется, представление о нации маскулинизируется, насилие романтизируется, в итоге чего между культурами, государствами, технологиями и гражданством формируется новые, милитаристские связи.

Книга компактна, в ней уважительно рассматриваются идеи десятков современных географов (Нила Смита и Дженнифер Робинсон, Моны Домош и Джейми Пека, Алексы Фарбер и Карен Гилл, Стивена Грэма и, конечно, Дэвида Харви). Очень советуем ее проработать.

Е.Г. Трубина

Уральский федеральный университет

Литература

Hanson S., Pratt G. Dynamic dependencies: a geographic investigation of local labor markets // *Economic Geography*. 1992. No. 68. P. 373–405.

Рецензия поступила в редакцию 4 декабря 2015 г.

Trubina Elena G., Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

Review of Andrew E.G. Jonas, Eugene McCann, and Mary Thomas. *Urban Geography: A Critical Introduction*. Wiley-Blackwell, 2015. 378 p. (Critical Introductions to Geography) ISBN 978-1-4051-8980-4.

DOI: 10.17223/2312461X/10/5

References

Hanson S. and G. Pratt. Dynamic dependencies: a geographic investigation of local labor markets, *Economic Geography*, 1992, no. 68, pp. 373-405.